

Эмilio
ЗОЛЯ
(1840-1902)

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Эмиль
ЗОЛЯ

Жана

Роман

Москва

ЭКСМО

2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Фра)
3-81

Перевод с французского *Н. Жарковой*
Разработка серии *Е. Соколовой*
Оформление переплета *Н. Ярусовой*

Золя, Эмиль.
3-81 **Нана** : роман / Эмиль Золя ; [пер. с фр. Н. М. Жарковой]. — Москва : Эксмо, 2014. — 512 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-699-72990-6

Сумасшедший успех кокетки Нана, вызывающей вождление и «плотское безумие» у всего мужского населения Парижа: полусветских львов, бульварных журналистов, чопорных аристократов — в потрясающе натуралистичном романе Эмиля Золя из эпопеи «Ругон-Маккары». Взлет и падение обольстительной куртизанки в эпоху Второй империи, запечатленной великим художником Эдуардом Мане.

УДК 82(1-87)
ББК 84(Фра)

ISBN 978-5-699-72990-6

© Н. Жаркова, перевод. Наследники, 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

I

Пробило девять, а зал театра Варьете был еще пуст. Лишь кое-где на балконе и в партере терпеливо ожидали начала немногочисленные зрители, затерявшиеся среди гранатового бархата кресел в слабом сумеречном свете приспущенной люстры. Громадное алое пятно занавеса расплывалось во мраке; сцена безмолвствовала, рампу еще не зажигали, еще не расставили по местам сдвинутые в беспорядке пюпитры оркестрантов. Только в райке, ютившемся под расписным плафоном, где обнаженные девы и младенцы порхали в небесах, давно позеленевших от испарений газа, — слышался сдержанный непрерывный гул голосов, смех и выкрики; там уступами уходили ввысь к большим круглым окнам в золоченых рамах ряды чепцов и каскеток. В ложах время от времени появлялись билетерши и, с озабоченным видом держа билеты в руке, пропускали вперед очередную пару, чинно садившуюся на свои места: мужчина во фраке, при нем дама — тоненькая, затянутая, с томно блуждающим взором.

В креслах показались двое молодых людей. Не присаживаясь, они стали разглядывать зал.

— Ну что я тебе говорил, Гектор! — воскликнул тот, что был постарше, высокий брюнет с усиками. — Чего ради ты притащил меня так рано? Даже сигару не дал докурить.

Мимо прошла билетерша.

— Верно, господин Фошри, — фамильярно бросила она, — начнут уж никак не раньше чем через полчаса.

— Зачем же писать в афишах, что начало в девять, — буркнул Гектор, досадливо кривя свое длинное худое лицо. — Еще сегодня утром Кларисса уверяла меня, что начнется в девять, а ведь она знает, сама занята в пьесе.

Они прервали беседу и, закинув головы, старались проникнуть взором в полумрак лож. Но зеленая обивка, казалось, еще сгущала тени. Внизу, под галереей, утопали в полной мгле ложи бенуара. В ложе балкона сидела одна-единственная зрительница — какая-то полная дама, тяжело опиравшаяся на бархатный барьер. Справа и слева от сцены, между высоких колонн, еще пустовали литерные ложи, задрапированные занавесями с длинной бахромой. Белизна и позолота зала, оттененные нежно-зелеными тонами, еле проступали сквозь легкую пелену света, льющегося из большой хрустальной люстры, где газовые рожки только еще начинали разгораться.

— А ты достал ложу для Люси? — спросил Гектор.

— Достал, но с каким трудом! — ответил его спутник. — Не беспокойся, Люси раньше времени не явится. — Он подавил зевок и после минутного молчания добавил: — Тебе повезло, ты ведь еще никогда на премьерах не бывал... «Белокурая Венера» наверняка будет гвоздем сезона. О ней уже целых полгода трезвонят. Ах, дружок, какая музыка! Шик!.. Борденав, а он в таких делах знаток, недаром приборег пьесу для Выставки.

Гектор слушал его слова с благоговейным вниманием. Потом спросил:

— А эту Нана, новую звезду, которая играет Венеру, — ты ее знаешь?

— Господи! И ты туда же! — воскликнул Фошри, воздевая к небесам руки. — С самого утра меня допекают этой Нана. Я нынче встретил человек двадцать, и все как сговорились, Нана да Нана!.. А я почем знаю! Неу-

жели я обязан помнить всех парижских девок?.. Нана — новое открытие Борденава. Этим все сказано!

Он замолчал, успокоился. Но вид пустого зала, тусклый свет люстры, какое-то почти церковное благолепие, благолепие храма, где человек невольно переходит на шепот, боится хлопнуть дверью, снова вывели его из равновесия.

— Ну нет уж, — неожиданно заявил он, — с меня хватит! Лично я ухожу. Может, нам посчастливится обнаружить внизу Борденава. И даже узнать кое-какие подробности.

В огромном вестибюле, выложенном мраморными плитами, у контроля уже начали толпиться зрители. Сквозь распахнутые двери видны были бульвары, где под высоким небом апреля шла своя особая жизнь с жаркой сутолокой и сверканием огней. Стук карет резко обрывался у подъезда, громко хлопали дверцы; зрители по двое, по трое входили в вестибюль, задерживались у контроля, поднимались по расположенной в глубине вестибюля лестнице, расходящейся направо и налево двумя маршами; на ступеньках с умыслом медлили, играя гибкой талией, дамы. В беспощадном свете газа, среди мертвенной наготы вестибюля, которому жалкие колонны в стиле ампир придавали сходство с храмом, воздвигнутым из папье-маше, бросались в глаза длинные афиши, где на желтом фоне огромными черными буквами выделялось имя НАНА. Мужчины останавливались и впивались глазами в афишу; уже прочитавшие толпились в дверях, загораживая проход; а у билетной кассы толстяк с широким, гладко выбритым лицом грубо огрызнулся в ответ на просьбы желающих получить билетик.

— Вот он, Борденав, — сказал Фошри, спускаясь по лестнице.

Но директор уже заметил его.

— Хорош, нечего сказать! — крикнул он снизу. — Где она, обещанная статейка? Открываю утром «Фигуро», и хоть бы слово!

— Да подождите, — отбивался Фошри. — Надо сначала посмотреть вашу Нана, а потом уже о ней писать... Кстати, я вам ровно ничего не обещал.

Желая положить конец пререканиям, он представил директору своего кузена Гектора де Ла Фалуаз, прибывшего в Париж с намерением завершить здесь свое образование. Директор бросил на юношу быстрый оценивающий взгляд. А Гектор в волнении уставился на него. Так вот каков он — знаменитый Борденав, владелец труппы дрессированных девиц, их тюремщик, неистощимый поставщик сенсационных новинок, вот он, этот циник с замашками жандарма, — орет, брызжет слюной, хлопает себя по ляжкам. Гектор решил, что обязан начать разговор с какой-нибудь любезной фразы.

— Ваш театр... — произнес он медовым голоском.

Но Борденав прервал его бесцеремонным словечком, как человек, несклонный приукрашивать истину:

— Скажите лучше — мой бордель.

Фошри одобрительно фыркнул, а шокированный Ла Фалуаз, поперхнувшись комплиментом, старался сделать вид, что оценил остроту. Тут директор бросился здороваться с театральным критиком, чьи фельетоны имели немалый вес. Когда он снова подошел к молодым людям, Ла Фалуаз уже успел оправиться от смущения. Пуще всего он боялся, что будет мяться, и тогда в нем признают провинциала.

— Мне говорили, — начал он, не желая сдаваться, — что у Нана прелестный голос.

— Это у нее-то?! — воскликнул директор, пожимая плечами. — Визжит как драная кошка!

Юноша поспешил исправить свой промах:

— Зато великолепная артистка.

— Это она-то!.. Тумба тумбой, ни рукой, ни ногой двинуть не умеет.

Легкая краска проступила на скулах Ла Фалуаза. Он окончательно отказывался что-либо понимать. И про-
бормотал:

— Ни за какие блага мира я не пропустил бы нынешней премьеры. Мне известно, что ваш театр...

— Мой бордель... — снова поправил его Борденав с холодным упрямством человека, которого не так-то легко сбить с его позиций.

Тем временем невозмутимый Фошри разглядывал входивших дам. Он поспешил на помощь кузену, который стоял разинув рот, не зная, смеяться ему или обидеться.

— Ну что тебе стоит порадовать Борденава, называй его театр, как он тебя просит, раз ему так хочется... А вы, дружок, бросьте нас морочить. Если ваша Нана не умеет ни петь, ни играть, спектакль просто-напросто провалится. Впрочем, боюсь, что так оно и будет.

— Провалится! Провалится! — завопил директор, багровея от негодования. — Да кто вам сказал, что женщина должна уметь петь и играть! Ах, детка, ты, как я погляжу, просто дурак... У Нана есть нечто другое, и это то другое все заменит, уж поверь мне. У меня на такие вещи нюх, так вот этого другого у Нана хоть отбавляй, или я, старый болван, ничего не стою... Вот увидишь, сам увидишь, стоит ей выйти на сцену, и весь зал ахнет.

Он вскинул к потолку свои огромные ручки, которые тряслись от восторга; облегчив душу, он понизил голос и пробормотал про себя:

— Да, она далеко пойдет, далеко, уж поверьте... Кожа-то, кожа какая...

И так как Фошри не отставал, Борденав снизошел и сообщил кое-какие подробности в столь откровенных выражениях, что Гектор де Ла Фалуаз сконфузился... По словам Борденава, Нана он знал раньше и решил дать ей ход. Кстати, он тогда как раз искал Венеру для новой пьесы. Лично он не любитель долго возиться с новенькими, пускай публика получит свое удовольствие.

Ну и хлебнул же он горя, когда эта рослая девица появилась в их заведении, — чуть бунт не поднялся. Роза Миньон, главная его звезда, она и поет прекрасно, и играет отлично, так вот Роза совсем разъярилась, почуяв соперницу, каждый божий день грозит бросить его на произвол судьбы. А с афишами-то что было, боже мой! В конце концов он велел набрать имена обеих артисток одинаково крупным шрифтом. Пусть только оставят его в покое. А если кто-нибудь из его девочек, как он именовал своих артисток, скажем, Симона или Кларисса, заартачится, он, не беспокойтесь, сумеет дать им пинка пониже спины. Иначе от них житья не будет. Он, слава богу, перевидал их на своем веку, знает им цену, этим шлюхам!

— Смотрите-ка! — прервал он свой рассказ. — Наши неразлучные пришли — Миньон со Штейнером. Роза, знаете ли, порядком прискучила Штейнеру, ну вот муж за ним и ходит по пятам, боится, как бы тот не дал тягу.

От газовых рожков, зажженных на фронто́не театра, пролегла по тротуару светлая полоса. Два ярко-зеленых деревца четко вырисовывались на фоне неба; свет газа придавал колонне неестественную белизну, и можно было, как днем, издали прочесть афишу; а там, еще дальше, огни буравили сгустившийся мрак бульваров, где смутно угадывалось непрерывное движение толпы. Подходившие к театру мужчины не спешили войти и, остановившись у входа, беседовали, докуривая сигару; газовые рожки окрашивали их лица в синеватый цвет, и на асфальт ложились кургузые тени. Миньон, чересчур высокий, чересчур широкоплечий, с четырехугольным, как у ярмарочного борца, черепом, легко прокладывая в толпе дорогу, волоча за собой банкира Штейнера, низенького, пузатенького, круглолицего, с седеющей бородкой.

— Ну так вот! — обратился Борденав к банкиру. — Вчера вы как раз и видели ее у меня в кабинете.

— Ах, значит, это она! — воскликнул Штейнер. — Я так и думал. Но мы с ней столкнулись уже на пороге, и я даже не успел ее как следует разглядеть.

Миньон прислушивался к разговору, не подымая опущенных век, нервическим жестом вертя вокруг мизинца перстень с огромным бриллиантом. Он сразу понял, что речь идет о Нана. Но Борденав так живо набросал портрет своей дебютантки, что в глазах банкира вспыхнул огонек, и тут Миньон решил вмешаться.

— Да бросьте, милый, самая обыкновенная потаскушка! Публика ей еще покажет... Штейнер, голубчик, моя жена ждет вас у себя в уборной.

Он попытался было увести его силой. Но Штейнер не желал расставаться с Борденавом. Прямо перед ними зрители, выстроившись цепочкой, напирали на контролеров, и среди нестройного гула голосов все чаще слышалось имя Нана — два коротких певучих слога. Мужчины, толпившиеся у афиш, громко скандировали это имя; другие бросали его на ходу как вопрос; а женщины с тревожной улыбкой на устах повторяли его тихонько, с удивлением. Никто не знал Нана. Откуда она взялась, эта самая Нана? Шепотом, на ушко друг другу передавались шуточки, анекдоты. Само имя уже звучало как ласка, уменьшительное имя, становившееся интимным в любых устах. Достаточно было произнести его вот так вслух, и толпой овладевало веселое благодушие. Всех охватила лихорадка любопытства, того особого парижского любопытства, которое по силе можно сравнить только с приступом горячки. Всем хотелось видеть Нана. В толчее какой-то даме оторвали оборку, какой-то господин потерял шляпу.

— Нет, это уж слишком! — завопил Борденав, когда человек двадцать надели на него с вопросами. — Сами увидите... А я бегу, меня ждут.

Он исчез в восторге от того, что сумел разжечь свою публику. Миньон, пожав плечами, напомнил Штейне-

ру, что Роза давно ждет их — хочет показать свой костюм для первого акта.

— Смотри, вон Люси выходит из кареты, — сказал Ла Фалуаз, обращаясь к Фошри.

Это действительно оказалась Люси Стюарт, маленькая дурнушка лет под сорок; шея у нее была слишком длинная, личико помятое, губы слишком крупные, но необычайное изящество и живость движений придавали ей какое-то особое обаяние. Она привезла с собой Каролину Эке и ее матушку; Каролина поражала холодной красотой, а матушка, весьма достойная особа, походила на чучело.

— Пойдешь с нами, я тебе оставила место, —скомандовала Люси, обращаясь к Фошри.

— Нет уж, увольте! Оттуда ничего не видно, — ответил он. — У меня кресло, предпочитаю сидеть в партере.

Люси взорвалась. Значит, он просто боится показываться с ней? Потом, так же внезапно успокоившись, заговорила о другом:

— Почему ты мне не сказал, что знаешь Нана?

— Я? Да я ее в глаза не видал!

— Ох, так ли? А меня уверяли, будто ты с ней спал.

Но стоявший рядом Миньон, приложив к губам палец, призвал их к молчанию. И в ответ на вопросительный взгляд Люси прошептал, показав на молодого человека, проходившего мимо:

— Ее дружок!

Присутствующие взглянули на молодого человека. Он был весьма недурен собой. Оказалось, Фошри его знает: это Дагне; мальчик уже успел просадить на женщин миллиона три и сейчас крутится на бирже, чтобы заработать на букет для какой-нибудь очередной дамы или угостить ее обедом. Люси объявила, что у него прелестные глаза.

— А вот и Бланш! — воскликнула она. — Кстати, Бланш мне и сказала, что ты спал с Нана.

Бланш де Сиври, рослую блондинку с хорошеньким, но преждевременно расплывшимся личиком, сопровождал хилый, очень выхоленный и очень элегантный господин.

— Граф Ксавье де Вандевр, — шепнул Фошри на ухо Ла Фалуазу.

Граф обменялся рукопожатием с журналистом, а Бланш с Люси, не теряя времени, вступили в бурное объяснение. Одна была в розовом, другая — в голубом; своими широкими юбками в воланах они загородили весь проход, и имя Нана произносилось обеими дамами так часто и так громко, что к ним уже стали прислушиваться. Граф де Вандевр увел Бланш. Но теперь имя Нана звучало уже во всех уголках вестибюля, накаляя страсти заждавшихся зрителей. Почему, в самом деле, не начинают? Мужчины то и дело вынимали из жилетного кармана часы, опаздывающие высказывали на ходу из карет, зрители, толпившиеся на улице, потянулись к дверям, а случайные прохожие, вступая в полосу света на опустевшем тротуаре, замедляли шаги, вытягивали шеи, стараясь заглянуть в вестибюль. Какой-то мальчишка, насвистывая песенку, пробежал было мимо театра, но вдруг остановился перед афишей, хрипло выкрикнул: «Эй ты, Нана!» — и пошел дальше развинченной походкой, шаркая стоптанными башмаками. Раздался взрыв смеха. Вполне пристойные с виду господа повторяли вслед за сорванцом: «Нана, эй, Нана!» Началась давка у контроля, вспыхнул скандал, голоса, призывавшие Нана, требовавшие Нана, сливались в нестройный гул; толпа, как всякая толпа, была рада поддаться любой глупой забаве, любому порыву низменной чувственности.

Но над этим содомом внезапно послышалось треньканье звонка, возвещавшего о начале спектакля. Гам переплеснулся на бульвар: «Звонят, звонят!»; каждый энергично прокладывал себе дорогу в толпе, так что пришлось прислать подкрепление контролерам. Встре-

воженному Миньону удалось наконец сдвинуть с места Штейнера, который так и не удосужился посмотреть Розин костюм. При первом же звякании колокольчика Ла Фалуаз, испугавшись, что они не успеют к увертюре, потащил за собой Фошри, прокладывая дорогу локтями. Это излишнее рвение публики бесило Люси Стюарт. Ну и грубияны, женщину готовы затолкать! Она нарочно замешкалась вместе с Каролиной Эке и ее матушкой. Вестибюль опустел, только во входные двери все еще врывалось протяжное гудение бульвара.

— Хоть бы пьесы у них были веселые, и того нет, — твердила Люси, поднимаясь по лестнице.

В зале Фошри и Ла Фалуаз, стоя у своих кресел, вновь огляделись вокруг. Теперь все здесь сияло. Длинные язычки газа играли на хрустальных подвесках люстры, брызги розовых и желтых огней дождем падали от плафона до партера. Темно-гранатовая обивка кресел отливала теперь алым, а игра позолоты смягчалась нежной зеленью орнамента, и только роспись плафонов сохраняла свою неумеренную яркость. Рампа словно пламенем зажгла тяжелый пурпурный занавес, сказочно богатый, как в волшебных замках, зато еще резче выступило убожество портала, где трещины обнажили штукатурку под позолотой. Становилось жарко. Рассевшись перед пюпитрами, оркестр настраивал инструменты, и среди крепнувшего гула голосов проносились то легчайшая трель флейты, то сдержанный вздох валторны, то певучий голос скрипки. Зрители говорили все разом, толкались, рассаживались по местам, добытым с боя; в коридорах скопилась уйма народу, и в двери с трудом просачивался неиссякаемый людской поток. Махали друг другу, шуршали шелка, в затейливый хоровод юбок и причесок то тут, то там врезалось черное пятно фрака или редингота. Меж тем ряды кресел заполнялись; кое-где резко выделялся светлый туалет, головка с нежным профилем клонилась под тяжестью шиньона, среди локонов вспыхивала молния диадемы. В ложе изгиб ого-

ленного плечика отливал атласной белизной. Дамы, уже успевшие усесться, томно обмахивались веером, спокойно наблюдая за суетой, а в партере молодые люди в слишком низко вырезанных жилетах, с гарденией в петлице, наводили на логи бинокль, держа его самыми кончиками пальцев, обтянутых белыми перчатками.

Кузены Ла Фалуаз и Фошри тоже стали искать знакомые лица. Миньон и Штейнер восседали бок о бок в бенуаре, чинно положив ладони на бархат барьера. Бланш де Сиври, казалось, занимала своей особой всю литерную ложу бельэтажа. Но особенно внимательно Ла Фалуаз разглядывал Дагне, который тоже сидел в креслах двумя рядами ближе к сцене. Рядом с ним оказался совсем юный мальчик, лет семнадцати, не более, видимо, улизнувший школяр; он смотрел вокруг широко открытыми глазами, прекрасными, как у херувима. Фошри не мог сдержать улыбки.

— А что это за дама на балконе? — вдруг спросил Ла Фалуаз. — Вон та, рядом с которой сидит девушка в голубом.

Он показал на дебелую даму, туго затянутую в корсет, по-видимому, бывшую в свое время блондинкой, а теперь перекарасившую седые волосы в соломенный цвет, с нарумяненной круглой физиономией, казавшейся еще круглее из-за мелко завитой гривки, по-детски спущенной на лоб.

— Это Гага, — лаконически ответил Фошри.

Заметив, что имя ее удивило кузена, он пояснил:

— Разве ты не слышал про Гага? Краса самых первых лет царствования Луи-Филиппа. Теперь она повсюду таскает за собой дочку.

Ла Фалуаз даже не взглянул на молоденькую девушку. Его заинтересовала сама Гага, он не спускал с нее глаз; он находил, что и сейчас еще она совсем недурна, однако не посмел высказать свое мнение вслух.

Тем временем дирижер поднял палочку, музыканты грянули увертюру. Зрители по-прежнему входили в зал,